

Стой, солнце, и не движись, луна!

Русская литературная сказка / Сост. и примеч. Н. А. Листиковой. -- М.: Сов. Россия, 1989.

OCR Бычков М. Н.

В некотором царстве, в некотором государстве, за тридевять земель, в тридесятom царстве стоял, а может, и теперь еще стоит, город Восток со пригороды и со деревнями. Жили в том городе и в округе востокoвские люди ни шатко ни валко, в урожай ели хлеб ржаной чуть не досыта, а в голодные годы примешивали ко ржи лебеду, мякину, а когда так и кору осиновою глодали. Народ они были повадливый и добрый. Начальство любили и почитали всемерно.

Лежал тот город Восток с округой в местах отдаленных, хоть три года от него скачи, ни до какого государства не доскачешь. И случилось как-то так, что во всех прочих местах начальство давно переменилось: на место воевод стали ландраты, потом капитан-исправник, потом еще поновее. Завелись даже думы; а в Востокoвской округе по-старому правили все воеводы и все из одного рода Устаревших. Как это так вышло и кто того дела недосмотрел, этого и по сию пору объяснить никак невозможно; только всюду перемены пошли, а в Востокoве с округой как сел воевода Устаревший, так и сидел до своей кончины. Сам, бывало, задумывается: когда же, мол, мне смена выйдет?.. Подумывал даже сам на иной манер повернуть,-- да так с этими мыслями и помер. А как востокoвцам без начальства быть не повелось, то и стал ими править сын Устаревшего и тоже правил до своей кончины. А там пошел править и третий. Востокoвцы и довольны: будто так и надо. И почитали своих природных воевод свыше всякой меры. Потому -- видят: никто Устаревших не ставит, никто не сменяет. Стало быть, от бога пошли.

Так и жили. Только со временем пошли по Востокoвской округе неподобные речи: рано ли, мол, поздно ли, а уж выйдет Устаревшим упразднение.

Кто первый те речи пустил -- неведомо. Говорят: от заезжих людей пошло. Действительно, наезжие люди -- хитрые. Устаревшие им торги-промыслы разрешали, а они им же, как говорится, в шапку накладывали.

Позовет их, бывало, Устаревший на воеводский двор и станет спрашивать:

-- И как только вы, поганцы этакие, без воевод в своей стране живете?

А они отвечают:

-- Мы, мол, и сами, ваше воеводство, не рады. Известно, народишко от начальства отбился. Озорники!

-- Известно, озорники,-- воевода говорит.-- А вот у меня -- благодать. Что хочу, то и делаю!

-- Разумеется,-- говорят,-- благодать. На что лучше, ежели чего хочешь делать,-- никто не препятствует...

Ну, а пойдут после того же гости по востокoвским людям торговать или по дворам ночевать, тут опять другие речи поведут:

-- Больно у вас,-- говорят,-- Устаревшие-то плохи. Чего и вы-то, полоротые, смотрите?..

Конечно, который крепкий человек, слушает да ухмыляется. Ладно, мол! Было бы нам солнце красное, да дождик, да ведро во благовремени. Будет, мол, и хлебушко. А до прочего дела нет... Еще, бывало, другой раз и в драку полезут. А драться были горазды... Ну, да на грех мастера нет: другой, глядишь, и задумается. А уж это, известно, последнее дело. Думает-думает, да и сам туда же:

-- Оно, мол, и правда. Надо бы и у нас, как у людей. Чем мы хуже?

Может, и в самом деле от этого, может, и от другого чего, только пошли по округе темные толки... Дошло и до воеводы, и стал воевода тоже задумываться. Велит согнать обывателей, выйдет на крыльцо, посмотрит, посмотрит, да вдруг и крикнет:

-- Кто я по здешнему месту?

Людишки кланяются: "Ты, мол, по здешнему месту воевода, отец и благодетель".

-- То-то,-- говорит.-- Посадить их в холодную.

Людишки кланяются:

-- На то есть твоя воеводская воля!

А Устаревший доволен.